

Камышловская централизованная
библиотечная система
2012

Елена Флягина

*Отзвуки
жизни
моей...*

Флягина, Е. Отзвуки жизни моей...: стихи и проза / Е.Флягина. – Камышлов: Камышловская централизованная библиотечная система, 2012. - 137 с.

Как подарком каждый день встречайте

Что для журналиста главное?

Умение чувствовать слово. Умение слушать и слышать. Умение сопереживать. А еще – суметь чувства переложить на бумагу. Это бывает сложно. Но у Елены Ивановны Флягиной все получается. Вот послушайте:

*Сосульки ноги опустили с крыш.
Звенит аккорд
стотысячной капли...*

Так может чувствовать только поэт, правда? Так и видишь эти сосульки. Даже запах весны. Или:

*Я окунаюсь в природу,
Частицей ее становлюсь,
Пью родниковую воду,
Пью - и никак не напьюсь...*

Елена Ивановна Флягина – человек в нашем городе известный многим. И не только потому, что более 20 лет работала в редакции местной газеты и постоянно печаталась на ее страницах. Она член Союза журналистов России. Она – одна из основных авторов книг о Камышлове и Камышловском районе. Только догадаться можно, сколько ей пришлось «перелопатить» исторического материала архивных документов, воспоминаний. А сколько встреч провести, со сколькими людьми переговорить!

Елена Ивановна много лет является выпускающим редактором «Литературного четверга», который давно перерос газетные страницы и стал местным сообществом поэтов и прозаиков.

И как хорошо, что реализуется проект, начатый городской библиотекой, - выпуск книг поэтов «Литературного четверга». Один из них вы держите в руках. В данный сборник вошли и ранние произведения Е.И.Флягиной, и более поздние. Здесь и стихи, и проза. Все произведения пронизаны душевностью и добротой. А еще - любовью. К природе, к родным местам, к людям, к тем, кто рядом. И все ярко, эмоционально! Читаешь студенческие строки - оживает собственная молодость. Читаешь короткие были - начинаешь сопереживать героям и вспоминать подобные встречи. Есть стихи-судьбы, стихи-истории:

*Тикают тихо ходики:
Тик- так, тик-так,
Муж из дома уходит -
Как так, как так?*

А есть стихи-пожелания. Они посвящены друзьям, коллегам, краеведам и художникам:

Радайтесь, шумите, удивляйте,
Как подарок каждый день встречайте!

Житейские истории, написанные Еленой Ивановной, это тоже целый мир эмоций. Они социально значимы. Они «кричат», требуют каких-то действий. Это не публицистика! И самое главное в том, что они не оставляют читателей равнодушными.

Хочется пожелать автору успехов в творчестве, достижения новых высот на пути общественного признания. Прочтите книгу. В ней каждая строчка проста и понятна. Здесь все обыкновенно, но так трогательно...

Людмила Чиркова,
гл. редактор газеты
«Камышловские известия»,
член Союза журналистов
России

Cmusu

Первое

раздумья

Догони и верни

Небо сегодня так низко.
Стелет снег по земле.
Следы на снегу близко-близко,
Как строчки в чьей-то судьбе.

Гвоздик – носочек, гвоздик – носок
Рядом с крупным мужским следом.
Видно, с девчонкою шел паренек
Под первым праздничным снегом.

Только что ж это? Отчего
Цепочка следов раздвоилась?
Гвоздики – дальше от крупных шагов,
Дальше, дальше и скрылись.

Долго мужские ботинки топтались,
Черный, большой оставили след.
Думали. Может догнать порывались,
Но почему-то не бросились в след.

Новой страницей снег ложится.
Снова читаю строчки-следы.
Знаешь, а если у нас так случится,
То догони и верни меня ты.

Палочка-выручалочка

«Вышел месяц из тумана...» -
Детская считалочка.
Где, в каком краю осталась
Наша выручалочка?
Где тебя я обронила
И не подняла?
Как легко с тобой мне было,
Запросто б жила.
Меньше было бы ошибок,
Горестей и бед
И не знала бы ушибов...
Только, знаешь, нет!
Слишком просто все с тобою,
Палочка-считалочка.
Ты не станешь мне судьбою,
Выручалочка.

1965

* * *

Фонарь блестит, как сережка
В ухе ночи
Девчонка стоит на дорожке
Город молчит.

Плащик на ней топорщится –
Прозрачный нейлон.
Почему к ней никто не торопится,
Где же единственный он?

Дождинки, как нити тянутся
Там, на ткацком станке.
Редкий прохожий оглянется
И скроется в темноте.

Гвозди дождь в землю вбивает
Гвоздики топчут асфальт
Ах, как обидно бывает.
Ах, как девочку жаль...

1966

* * *

Хочешь стану Шахерзадой?
Хочешь сказку тебе расскажу?
Лунным вечером у фасада
Снег стихами тебе испишу

У меня столько сказок славных.
Мне не хватит двух тысяч ночей.
Ты поверь в них, самое главное,
В терем мой приходи скорей.

Приходи,
    слышишь, сказкам не терпится.
Пред тобою рассыпать свой слог.
Запылилось Таюткино зеркальце
И заржавел волшебный рожок.

Приходи, полюби мои сказки
Полюби их волшебный слог
Чтоб надеяться нам не напрасно
Сбрось с ворот проржавевший замок.

1964

Первое дыхание

Весна! Идет по улицам весна,
И будоражит, и тревожит души.
Февраль, а все же пробралась она.
Ты посмотри вокруг, да и послушай.

Сосульки ноги опустили с крыш.
Звонит аккорд стотысячной капли.
И распахнул свое пальто мальчиш,
А солнце жарит будто бы в апреле.

Но вдруг пахнуло холодом.
И вмиг
Все в снежном вальсе понеслось,
ПОПЫЛО
И ветер сылет снег за воротник,
А все-таки весны дыханье было!

1965

Весна

Бабочки, как угорелые
Как угорелые от весны,
Жизни радуясь носятся
Среди лесной кутерьмы.

Птицы неутомонные
На все лады свистят
В небе синем, огромном
Ни облачка не видать.

Я окунаюсь в природу,
Частицей ее становлюсь.
Пью родниковую воду,
Пью и никак не напьюсь.

Запахи почек вдыхаю.
Не знаю чему смеюсь.
И, волшебства ожидая,
К солнцу руками тянусь.

Солнца шар надо мною
Шар земной подо мной
Весна, о весне, весною
Смейся, ликуй и пой.

1966

* * *

Сегодня на улице слякоть,
А в вазочке вянут цветы
Знаешь, мне хочется плакать.
Так долго не пишешь ты.
Что у тебя? Учения?
Командировка дальняя?
Молчанье твоё – мучение
И тема раздумий главная.
Хочу говорить с тобой,
Делиться печалью и радостью
Вся природа стала другой
Без тебя нет в ней прежней сладости.
Без тебя в роднике вода,
Как вода обычная.
Без тебя мне просто беда
Без тебя моя жизнь безличная.
А может даже безлика.
Неприкаянная, убогая.
Ты моё счастье великое,
Что вымолила у бога я.
Не мучай меня молчанием
И не ввергай в отчаянье...

Осень

Что-то ветер прошептал осинкам
И они зарделись от стыда.
И смущенно в красные косынки
Спрятали зеленые глаза.

Тихо стало на лесных дорогах
Облетают желтые листочки.
Смотрит месяц на поляны строго.
Ночь сияет звездным многоточием.

Утром иней. Зябко, неудобно.
И грачевник скоро опустеет.
У реки кричат тревожно утки
Из последних сил нас солнце греет.

Но ведь греет. Освещает пашни,
И сады. И наши огороды.
Лето кончилось –
совсем не страшно.

Ждет осенних милостей природа.

1966

* * *

Девочка стирала
И над пеной, руки тонкие ее взлетали,
Так взволнованно и вдохновенно,
Как над клавишами пальцы замирали.
А потом, отжатые руками,
Но еще тяжелые от влаги,
Простыни надулись парусами,
А цветная мелочь - будто флаги
Весело на солнце заиграла.
И устало девочка стояла,
И смотрела в небо голубое:
Лето было, ласточки летали.
И довольная она была собою,
Днем погожим, сделанной работой,
Ожиданьем счастья неземного
Девочка. Так на меня похожая,
Беззаботная, наивная немного...

1966

* * *

Тикают тихо ходики:
Тик-так, тик-так.
Муж из дома уходит.
Как так, как так?

Как же случилось так?
Сердце стучит или ходики?
Сердце сожми в кулак.
Уходит, и пусть уходит.

Значит все, значит точка.
Скрипнула хрипло дверь
И вдруг заплакала дочка
Что же будет теперь?

Счастье былое тает.
Дочка отца не узнает.
Что же теперь будет,
Отец о дочке забудет?

Дует в открытые двери.
В плохой конец я не верю.
Вот уже сброшена шапка
Нет, не уйдет ваш папка.

Всякое в жизни случается.
Не все хорошо кончается
Но двое стоят над кроватью
Спит их ребенок сладко.

Тикают тихо ходики:
Тик-так, тик-так
Никто никуда не уходит
Вот так, вот так.

1967

* * *

Как непривычны аккуратные строчки.
Как они портят твоё письмо.
Коротки предложения,
                неумолимые точки
Намекают: Все сказано и давно.

Все сказано? Все?
А бывало ночей не хватало.
Все сказано? Все?
А думали жизни будет мало...

Лгут, лгут эти краткие строчки
Без помарок и без ошибок.
Мы с тобою связаны прочно,
Не страшны нам судьбы ушибы.

Мы с тобой навсегда рядом.
Испытанье любое выдержим
Непогоду с дождем и градом
Слышишь, выстоим, выдюжим.

Ну, подумаешь, короткие строчки.
Разве повод есть для отчаянья?
След слезы моей на листочке
Это просто, это нечаянно...

1969

* * *

Кустодиев разбит параличом,
Ослеп Островский, глух Бетховен.
Но жизнь неиссякаемым ключом
Бьет из творений их и с их полотен.

А я в поэзии слепой щенок.
Пищу и писка своего не слышу,
Ищу, мечусь, рву за листом листок.
Стихи мертвы, мои стихи не дышат.

Ты друг, ты мне, пожалуйста, скажи,
Мучений где моих причина?
Врожденный паралич души?
Но это ведь неизлечимо

1969

* * *

Твоя палитра –
Твой поиск это.
Бросаешь краски,
А ловишь цвет ты.
Ошибка здесь, удача рядом.
Смотрю в палитру
Тревожным взглядом
Смотрю, пытаюсь решить задачу:
Моя ошибка ты или удача?

1969

Я в жизни другая

А знаешь, я в жизни другая
Не плачусь о прошлых днях.
Я в жизни совсем не такая,
Какая в своих стихах.

Я много смеюсь, даже слишком
Болтаю о пустяках.
Не прочь прогулять с мальчишкой,
Забыв обо всех делах.

Наверно, считают вертушкой
И легкомысленной слишком.
Мои дорогие подружки
Штудируют умные книжки.

Пишут конспекты подробные,
Лекции не пропускают.
Планы у них огромные
Все вперед просчитают.

Я их глубоко уважаю.
И они меня уважают.
Я им стихи читаю –
Слушают, обсуждают.

И говорят при этом:
– Быть тебе, Ленка, поэтом.
Шутят. Я понимаю.
Себе и им объясняю:

– Я их пишу с желаньем,
Когда чувства наружу просятся.
Но стихи не мое призвание
И все это скоро забросится,

И все это скоро забудется,
Копаться в себе расхочется.
Тогда мечты мои сбудутся.
Сама себе я пророчица.

1969

По нобогы

*В день рождения
нашему фотографу
А. А. Татищеву*

Алексей Аркадьевич, весна!
Повезло же вам весной родиться!
Пусть с собою принесет она
Пенье птиц и талую водицу,

Новые сюжеты вам для снимков,
Впечатлений ярких целый рой,
Но не промочите – ка ботинки,
Поспешая вечером домой.

И следя за шумной, птичьей стаей,
От любви не вздумайте растаять.
Впрочем, нет, любите же, любите.
Комплементы женщинам дарите,
Радуйтесь, шумите, удивляйте.
Как подарок каждый день встречайте.

*Молодоженам,
въезжающим в новую квартиру*

Вы создали семью,
Вы создаете дом.
В порыве нежности сплетутся ваши руки
И незаметно угнездятся в доме том
Родные краски. Запахи и звуки.
За окнами шальная магистраль
Машины мчатся, шинами шурша.
И вас еще поманит эта даль,
Но нынче дома вашего душа
Вас будет обнимать и согревать,
Вам будет островком любви и откровенья,
Вы будете друг друга открывать.
Стремясь от всех в свое уединенье.
Поверьте, что у дома есть душа.
И в тиканье часов. И в скрипе половицы
Она все ткет, спокойно, не спеша
Уютный мир, где счастьем нет границы.
Храните этот мир и дом,
Наполните его любовью и цветами.
И помните всегда о том:
Он жив, пока любовь царит меж вами.

*Начало заседания
«Литературного Четверга»*

Снова август.
Снова близится осень.
Снова города день
Собрались отмечать.
Мы сегодня собравшихся здесь
попросим,
В честь рождения его
Стихи почитать.
Вновь по кругу свеча,
Вновь по кругу волнение,
Вновь рояль.
И звучат строки новых стихов
Город милый, прими от души
Поздравление –
Фейерверк наших чувств,
Наших мыслей и слов.

2007

не согнувшейся под ливнем.
А помнишь, время,
автора «Весталки»?
В читальном зале снова тишина.
Читает Никонов,
а рукопись устало
Лежит на самом краешке стола.
Вот Яков Резник
об оружию разящем
Ведет неспешный и подробный сказ.
А Феликс Вибе
юмором блестящим
И город, и район потряс.
Беллу Дижур, Хоринскую Елену –

Всех помнит наш читальный зал.
Век новый,
новое приходит поколение,
Но здесь, как прежде,
разум правит бал.

2007

* * *

Потяжелели ветки от плодов
Сентябрь рассыпал листья золотые
И трели школьных, радостных звонков
За парту приглашает вас впервые.

Начало штурма первой высоты
Все в этот день торжественно и ново.
Портфель, букварь, осенние цветы
И мамино напутственное слово.

И этот снимок памятный в альбом.
Вы замерли в предчувствии событий.
Входите в школу, словно в отчий дом.
Удач вам, счастья, радостных открытий.

1980

Посвящение краеведам

Мне миг счастливый тот неведом,
Когда я стала краеведом,
Но откровенно вам скажу,
Я этим званьем дорожу.
В одном ряду стоять с такими
Людьми почтенными, седыми
И я, как новый краевед,
Исследую, какой же след
В истории родного края
Оставил каждый.
Начинаю анализ жизни и исканий
Представленных здесь персоналий.

Вот с сына Кошкина начнем
(Его так меж собой зовем)
Петр Палыч знанием богат
Он помнит много разных дат
И знаменательных событий
И пишет о своих открытиях
Ах, если б записи собрать
Да книгу добрую создать
Двух Кошкиных Петра и Павла.

Подарок городу немалый
Возьмем, к примеру,
    мы Бунькова
Ведь книга у него готова
При том учтите, не одна
И людям каждая нужна.
Хотите знать про ипподром?
Он здесь поможет вам во всем
Узкоколейка интересна?
Расскажет все, споет как песню.
Хотите о пожарной части?
Вам повезло, какое счастье,
Что бескорыстно, вдохновенно
Готов работать он бессменно
Тебе хвала, тебе венец.
Виктор Иванович - молодец.

У нас немало молодцов
Средь них, конечно, Зеленцов
Труды научные его
Читателя ждут своего
И многим здорово помог
Составленный им каталог
Вопрос поставлен был ребром

Жил кречет здесь или не жил?
Вернемся к этому потом.
А нынче краевед наш милый,
Мы оду в вашу честь поем...!
Как летом наполняет соты
Трудолюбивых пчелок рой,
Так трудится Кирилл наш
Сотый.
Да он наш следующий герой.

Его вы ищите глазами?
Его читали вы не раз
Он не один за ним рядами
Шагает краеведов класс.
Гренадовцы, Васьковцы - дети-
Веселых следопытов рой!!!
Им интересно все на свете
Им возрождать наш край родной

Средь камышловских краеведов
Есть фронтовик у нас один.
Пусть внуки его кличут дедом
Душою юнБалыбердин
Репрессии, война, раненья

Пытались, не смогли сломить.
Вот на кого держать равнение
Вот у кого учиться жить.

Не коренной он камышловец,
А будто здесь живет сто лет
Вы у него хоть что спросите-
На все подробный даст ответ.

Благодаря ему, открылись
Страницы земского собрания.
Мы с увлечением читали
Их протоколы заседанья.

Мы вместе открывали клады
И в экспедициях бывали
Энциклопедии не надо,
Когда Игорь Васильевич с вами.
Трудами наших краеведов
Живет и здравствует музей
Открытий новых и побед вам
И продолжателей идей.

Есть в Камышлове мастера

Посвящение художникам г.Камышлова

Есть в Камышлове мастера стихов,
Есть музыканты, живописцы тоже.
Сегодня я не пожалею слов,
Вас воспою. А муза мне поможет.
Как хорошо, что вы такие есть,
Как хорошо, что творчеством своим
Вы помогаете увидеть и прочесть,
Что может незамечено иным.
С кого начать? С Семенова, пожалуй.
Его талант в Москве сегодня жалуют.
Да что Москва, вся матушка Россия
В его полотнах,
                    словно в водах, отразилась.
Сибирские просторы. Синь Урала,
А Волга красками какими заиграла!
И люди... на его полотнах люди,
Посмотришь в лица их –
                    и не забудешь.
Сирень цветет, рябина полыхает.
Художника талант все расцветает.
В искусстве вы сказали свое слово
И привнесли вы славу Камышлову.

Василий Копылов. Задумчив
и сосредоточен,
Мазок его уверен, чист и точен.
Пейзажи узнаваемы, родны.
В них чувства неподдельные видны.
А как в руках его податлив камень.
Как подчиняется ему металл,
И в душах молодых зажег он пламень,
Дорогу к мастерству им указал.
Виктор Георгиевич Кузьмин.
Востребован, незаменим.
Из молодцовских он птенцов.
Уж сам стал дедом и отцом.
Но кисть в руках его живая.
Волшебной прелестью играют.
Шумят березовые колки,
Сосенок колются иголки,
Дымок из труб уходит в небо.
Все это наше: быль и небыль.
А он, желаний новых полн,
Уж пишет новую картину,
И возрожденную плотину,
И старый Бобылевский сад.

Где каждый очутиться рад.
«Мечты, мечты, где ваша сладость?»
Художники нам дарят радость.
И красками, без лишних слов
Все возрождают Камышлов.
Поверьте, Гурина кисть
Дала ему вторую жизнь.
Сравню я Гурина с Сарьяном,
А Камышлов наш – с Ереваном,
Здесь столько солнца и тепла,
Здесь столько красок, столько света.
Любовь его рукой вела,
Любовью творчество согрето,
Ведь Муза рядышком всегда.
С мольбертом, с красками и с кистью,
Помощник, друг, коллега и жена,
Вдвоем легко идти по жизни.
Здесь пара есть еще одна:
Елена Барышева с мужем.
Их вдохновляет Камышлов,
Спасибо вам за труд. Он нужен.
Нельзя в стихах не рассказать
И об Устинове, о Саше –

Так камышловцы говорят
О живописце местном нашем.
У полотна его стоят
С улыбкой доброй, безмятежной,
Отметить каждый зритель рад
Его пейзажей трепет нежный.
Найти умеет он местечко,
Где дом знакомый, тополь, речка,
Где, кажется, бывал и ты,
И где живут твои мечты.
Макаров Веня через дымку
Молочно-нежного тумана
Рисует милые картинки,
В них и загадочность и тайна.
Макаров Виктор, он кудесник,
Ему подвластно стало время.
О, странно как и интересно,
Преодолев законов бремя,
Вернуться в прошлое,
Но в прошлом увидеть наш собор-
он молод,
Овечек стадо на опушке,
А вдалеке наш милый город.

Палитра Рембрандта, похоже,
В руках Макарова сейчас.
А наш художник нам дороже,
И ближе, и нужней в сто раз.
Сегодня выставка богата
Да и имен здесь новых много.
И остается пожелать вам
Счастливой творческой дороги.

2010

Место встречи изменить нельзя

(написано по поводу очередной встречи поэтов в честь дня города)

Вот оно настало время встречи.
Место тоже изменить нельзя.
В этот хмурый августовский вечер
Собрались сюда поэзии друзья
И прозаики. Служители Эрато,
Каллиопы, и Евтерпы, прочих муз.
Так хотелось бы сказать: «Ребята,
Пусть растет и крепнет наш союз!»
Так хотелось бы о каждом
Слово доброе, да в рифму бы втолкнуть.
Что за дело? Все уже готово,
Хватит уж за хвост kota тянуть.
Пропою - ка я сегодня аллиллюю
Тем, кто пишет прозой и рифмуя,
Тем, кто держит
наш Четверг литературный.
Тем, кто город делает культурным.

Песня первая – хозяевам гостиной,
Ведь они позволили расти нам.
В этих стенах вашими трудами
Познакомились мы с новыми друзьями.

Вы читатели, издатели, Вы люди,
Без которых жизнь беднее будет
Вашей чуткости нам стоит поучиться
Дружбой с вами должно всем гордиться

Песнь вторая в честь редактора газеты.
Без нее не быть бы всему этому:
Этим встречам, приложению нашему.
Прозу жизни мы немного скрашиваем.
Помогает людям раскрываться
И от серых будней отрываться.

Песнь большая. Вся о тех, кто пишет.
И для тех, кто творчеством тем дышит.

Вот сидит Широкова Татьяна
Врач, поэт и пишет без изъянов.
Знают Таню город и деревня
А в поэзии она царевна.
И стихи ее как акварели.
Как ручьи в весеннем месяце апреле.

А Невенчен Люда – лирик тонкий
Слышен в общем хоре голос звонкий.

И березки и луга и речки
Ждут ее приветного словечка.

Лида Кузнецова в строй не встанет
Лида острым язычком своим достанет
Усмехнется, улыбнется и опишет
Все, что видит, все, что слышит.
кто чем дышит.

Совершенно на особицу Лариса
Общепризнанный поэт и директриса,
Композитор, музыкант, человек дела
И идет она по жизни смело.

Косырева Лида. Педагогом
Быть дано самой ей, видно, Богом,
Пишет хорошо, хоть и немного.
Но когда писать им, педагогам?

Наш Кирдан. Не Кердан, но Кирдан
И ему талант от Бога дан
Сколько поднято им разных тем!
Полюбился он бесспорно всем
И читающий и пишущий народ

Сборник избранных стихов его все ждет.

Лидия Ефимовна о вас
Надо бы писать большой рассказ.
Ваша мудрость, ваших мыслей глубина
Так востребована всеми, так нужна.

А у этой женщины тетрадь,
Если взять ее и почитать –
Удивишься, сколько мыслей золотых.
Вроде незатейливых, простых,
Но из жизни взяты из самой,
Сердцем писаны они, душой.
И природы хороши у ней картины
У Клементьевой все это Валентины.

Прозу пишет и стихи Коровякова.
Нина – женщина из Камышлова,
Много лет в Свердловске прожила
Камышлову же всегда верна была
И писала городу признание
Юным камышловцам в назиданье

Вот из леса на велосипеде

Юля к нам Пономарева едет
Вся пропахла ягодами, летом
Удивила полевым букетом
И стихами, что полны любовью,
Нежностью, тревогою и болью
За родной Урал и за природу
Нравятся ее стихи народу.

А Галина Долгих из Ожгихи.
Стих ее не громкий и не тихий.
Смысл глубокий вложен в каждое творенье
И история живет в стихотвореньях
И родного края, и России
А любовь пронзительная, сильная
Так из сердца в сердце прямо льется.
Пусть подольше это сердце бьется.

Лена Бушина. Сегодня
Знаем мы Озорнину Елену
Не простая, хоть и молодая
Пишет искренно и вдохновенно.

Вот Сергей наш, по перу собрат.
Он талантами весьма богат.

Может рисовать. Стихи писать.
Любит новичков он опекать.
Требует, чтоб молодым давали слово
Ввел в союз наш Сашу Почеснева
А еще принес стихи Андрея.
Для Андрея места не жалеем
Сысолятина ищите вы в газетах
Описал он Пушкина – поэта,
И про город написал чудесно.
В общем, человек он интересный.
Пожелаем в творчестве везенья
И продолжим наше выступление.

Редким гостем стал наш Шебалин.
Приходил всегда он не один,
А с баяном, и играл фокстрот.
Позовем его и он еще придет.

Слушатели, вы уже устали?
Но продолжу описание далее.
Не могу я пропустить других
И талантливых, и сердцу дорогих
Ольгу Федорову, Нифонтову Олю,
И конечно, Петрушко, конечно, Толю.

Их стихи всегда читатель ждет,
Имена запомнил их народ
Им признание сегодня всенародное
За талант, за дело благородное.
Говорят, что нет у нас мужского слова,
Я поспорить с этим здесь готова
Почитайте-ка Боровикова,
Куркатаева, Незнамова, Гладкова,
А Романа Низова возьмите...
Вы пишете, все всегда пишете.
Вы пишете прозой и стихами
Жив «Четверг», пока мы пишем с вами
И пока читатель наш готов
Требовать рассказы Сысюков
И просить им поклониться за рассказ.
Было так, поверьте и не раз.
А сегодня августовский вечер.
Вечер нашей долгожданной встречи
За роялем кто у нас? Сама Любовь.
Значит, нам встречаться вновь и вновь.

2010

Заседание клуба «Литературный четверг»
в гостиной городской библиотеки. 2009 г.

Разное

* * *

Бессовестная бессонница
Снова мне спать не дает:
Мыслью за прошлым гонится,
Воспоминанием жжет.

Подушка уже горячая,
Смятая простыня,
Словно собака бродячая,
Ночь под окном у меня.

Плачет, скулит и скоблится
Памятью прошлых дней
Вся эта ночь заполнится
Кадрами жизни моей.

Было много хорошего,
Были печальные дни.
Ночь, замети их порошею,
А доброе сохрани.

Лица родные, знакомые
Видеть хочу во сне.
Ты колыбельной песнею,
Мама, приди ко мне.

2005

Студенческие годы

А мне говорят: наплюй-ка,
Есть, о чем горевать,
Женится Загоруйко...
Но я не хочу плевать.

Как же компания наша
Без Витьки, без Загоруйко?
Чай остывает в чашках
Воск по свече струйкой.

Пламя трепещет над свечкой.
Так же оно трепетало
Там, в Нововяткино, в печке.
Катя суп разливала.

Ребята пришли с работы,
Ребята работали в поле,
Усталые, но беззаботные...
Жили мы в старой школе.

В сибирской, глухой деревеньке
В двухстах км от Ишима
Автобус туда не ходит,
Нас привезли на машинах.

И мы зерно убирали,
Картофель и кукурузу.
Жили не унывали.
Кормили нас, просто от пуза.

Кругом такие картины!
Край непуганых птиц.
Березы, хмель да калина
И поля, поля без границ!

И вдруг, рассекая волны,
Пшеничные, золотые
Как корабли огромные
Комбайны плывут.

Живые картины просто
Нам рисовала жизнь.

А ночью там звезды россыпью
И мы на зерне лежим.

Мы в ночь. Мы зерно разгружаем.
Потом его сушим в «пушке»
Так агрегат называем,
Он предназначен для сушки.

Ток мне напомнил виды
Из истории древнего мира
Зерна кругом пирамиды,
А плиты звенят, как рапиры

Золото звезд над нами,
Золотое зерно под ногами.
И бесконечность неба,
И запах свежего хлеба.

Все это было, было
И был Загоруйко с нами
Память бы не изменила,
Не изменились бы сами.

Пусть в душе остаются
Восторг и любовь и трепет,
Пусть времени не сдастся
Наша дружба, а крепнет.

1973

Этюды

***

Умирал цыган,
Конокрад-плясун.
Умирал под вьюгой
Один в лесу.

И уставшим бубном
Сердце стучало,
И метель, как скрипка,
Над ним рыдала.

1972

***

Лето вступает в права,
Тихо сирень отцветает,
Выше, пышнее трава,
Солнце все жарче пылает.

1997

***

Вот сегодня,
Нет завтра, нет после...
После, после,
А вдруг никогда –
Не увижу Болдинской осени
Так, как Пушкин увидел тогда.

1969

***

Подарил эстамп:
«Закат и кони»
Сам в рассвет ушел
Я молось, эстампу,
Как иконе
Я прошу: «Приди еще!»

1967

Мой стройотряд

Я люблю вспоминать дни юности,
Будто старое смотришь кино.
Ах, наивные, милые глупости
Было это давным-давно.

Было – сплыло. Да нет, осталось
И романтика, и любовь.
И, когда одолеет усталость,
В юность я убегаю вновь.

Вспоминаю свое общежитие,
Вспоминаю своих друзей.
Наши шумные чаепития.
Мельникайте – наш малый Бродвей.

И Республику – улицу главную
Будто снова по ней иду,
А навстречу все люди славные.
В сердце их имена берегу.

А Республика не кончается,
Прирастает домами новыми,

И высотки вон возвышаются
Новоселов принять готовые.

Все в кварталы смотрю я пристально,
Дом один пытаюсь узнать.
Нет, он не был мне кровом, пристанью
И там некому меня ждать.

Дело в том, что я дом тот строила,
Стройотрядовцем я была.
Интересно память устроена
Вот куда меня увела.

Мы на крыше, мы делаем кровлю.
Беспощадно солнце палит.
И глаза наливаются кровью.
И спина от натуги болит.

Черный, жидкий, горячий битум.
Осторожно идешь с ведром,
Осторожно польешь им плиты
И разгонишь его потом.

Нам залить предстоит всю крышу,
Расстелить рубероид ровно,
Керамзит насыпать повыше
Снова битума черные волны.

Кран подъемный скрипит отчаянно,
Там с физмата Сашка Варлей.
Он поставлен туда неслучайно
Самый сильный из наших парней.

Комиссар Казачок Валерий
Учит силы распределять:
«Коль усталость тебя одолеет,
Ты не вздумай сидеть иль лежать,
Темпы сбавь, не бросая работу,
А расслабишься и не встать».

Сколько раз я тебя вспоминала,
Наш студенческий комиссар.
Уставала, но не сдавалась
Твой наказ, как бесценный дар.

Да еще слова, что над стройкой
На полотнище трепетали
Из той песни, что бойко, задорно
Мы тогда от души распевали.

Я и нынче люблю ее петь,
Греет душу, волнует кровь.
Это истина: сердцем не надо стареть».
И в душе будет жить любовь.

2010

* * *

- Я люблю тебя –
Это вырвалось.
Ну, как выдох.
Как крик души.

- Я люблю тебя,
- Это искренне,
Хоть кричи,
Хоть стихи пиши.

Кем была до тебя?
Закованной в панцирь льда
Холодной рекой.
Век лежала бы заколдованной.
Век бы длился этот покой.

Ты не верь моему отчаянию,
Я от жизни, от счастья мечусь.
Разбудил ты меня нечаянно,
Но к тебе я всем сердцем тянусь.

И шумят мои воды чистые...
Кто же ты на моем пути?
Камень? Остров? Родник неистовый?
Не могу я ответ найти.

Ничего у нас не получится,
Предвещал конец вещей сон.
Этой сладкою мукой мучиться,
Лишь один из нас обречен.

1970

Про Софокла

*Строки, рожденные в библиотеке – ТГУ,
после прочтения чужой записки,
найденной в книге.*

В томике Софокла
Я нашла листочек
Это записка
В несколько строчек:
«Больше не пиши мне
И не звони
Я забыл те ночи,
Те «колхозные» дни.
Ты меня достала
В общем отвали.
Мне, как до лампочки,
До твоей любви...»
Ты писал трагедии, старина Софокл,
Если б тот листочек
Прочитать ты смог
Вышла бы трагедия из-под пера?
Впрочем, мне к зачету
Готовиться пора.

Еще раз о записке

Буквы – строчки, лежат осколками
Что тонкое очень разбилось.
Вот трагедия
Страшнее Софокловой
На обрывке листа уместилась

1969

На цыганские темы

Был, наверное!
Все-таки был!
Мой далекий предок цыганом.
Он коня и дороги любил.
И цыганку с тончайшим станом.
Звуки бубна,
Топот копыт.
И рыданье цыганских песен
Мою душу до слез бередит.
Город мне становится тесен.
Твоя нежность
Притворной кажется
Не целуй меня, - бей кнутом.
Так любовь у цыган доказывается,
Чем сильнее,
Тем крепче потом...

И поставлено многоточие.
Не закончена мысль и строка
Это в юности я «наворочала».
А она далека, далека...

Помню писано стихотворение
В день просмотра фильма «Цыган»
Мне не стыдно за вдохновение,
За фантазии бурный фонтан.

Так хотелось мне приобщиться
К благородству поступков героя.
И себя ощутить частицей
Этой трудной судьбы изгоев.

В те года мои юные, дальние -
Всюду песни цыган звучали.
Были очень они популярные.
Их ансамбли любили и знали.

А сейчас на вокзалах людных
Племя это, как встарь промышляет.
Им, что праздники, то и будни,
Кто обманет, тот выживает.
Но ни ненависти, ни злости
Испытать мне к ним не дано
И доказывать, знаете, бросьте,
Что они хороши лишь в кино.

Всем, наверное, перед Богом
Предстоит нам держать ответ.
Мало ты грешил или много,
Но безгрешных, мы знаем, нет.

1969-2005

* * *

Есть у меня хорошее средство
От депрессии, от бессонницы:
Я убегаю в далекое детство,
И мрачные мысли за мной не гонятся
В наш дом у вокзала
В наш двор с сеновалом,
С качелями, в небо летящими.
Я там подрастала,
Там мир познавала.
Там все было первое и настоящее.
Там зимы дышали хвоей и сказками,
В оконном узоре смеялась заря.
Там лето с цветами и ветром ласковым,
Там после дождя пахли так тополя!
Там мама и папа, совсем молодые.
Шульженко про синий платочек поет.
Заслышав футбольные позывные,
Папа к приемнику припадет.
А засыпала под голос Синявского.
Мне было спокойно, надежно, тепло.
Детство мое счастливою сказкою
Осталось в душе, никуда не ушло.

Προζα

Быть весне!

Дул ветер, гнул вести деревьев, гнал поземку. И никому не верилось, что еще вчера небо радовало своей высотой, солнце ласкало землю веселыми лучами и грачи кричали радостно и жизнеутверждающе. Светлана пошла посмотреть, что сегодня делается в грачевнике. Не доходя до старого сада, она услышала сверху странный звук: будто по большой струне ударили рукой. Подняв глаза, заметила, как с проводов падает вниз черный комок. Она подбежала к нему и ахнула: грач с желтым клювом, значит, еще молодой, ударился о провода и упал на запрошенную снегом землю. Светлана, держа обеими руками птицу, тяжелую, теплую, поднесла ее к своим губам и прошептала:

- Бедный мой, как же так? Столько пролетел, а на родине погиб!

Не успела она закончить свою печальную мысль, как грач встрепенулся и выпорхнул из ее рук, и полетел, преодолевая порывы ветра, к родным гнездам. Светлана засмеялась, и ненастный день уже не казался ей таким грустным. Грачи прилетели. Быть весне.

2004

В чем секрет долголетия?

Маленький домик с двумя окошечками, ворота, а в них встретила нас старушка – очень приятная, приветливая, в фуфайке, в платке, в очках, стекла которых сильно увеличивают глаза.

-Мы ищем бабушку Осинцеву Наталью Павловну, - обращаюсь я к старушке. – Ей 90 лет. Не знаете, где такая живет?

-Так это же я! – улыбается она.

- А мы из редакции. Хотим с вами познакомиться.

- А может, ошиблись. Зачем я вам? – удивляется она.

Нет, не ошиблись. Бабушке Наташе 90 лет, а годы ее не сторбили, глаза смотрят с интересом. Голос живой, не слабый.

Наталья Павловна родилась в 1903 году. Ее родная деревня Сергуловка, что за селом Филатовым. Филатово-то многие знают, а Сергуловка сохранилась в памяти тех, кому сейчас за 70.

-В Сергуловке родилась, там и замуж вышла. С краю на край переехала, рассказывает Наталья Павловна.

Вот сказала она нам название деревни, а за ним вспомнились имена тех, кто жил в Сергуловке: отец (Наталья Павловна зовет его так, как с детства привыкла, - тятя) Павел Яковлевич, мама Дарья Федоровна. А дедушку своего Наталья Павловна зовет «старый тятя», так же как и бабушку Лукерью Александровну «старая мама». И в этом можно проследить закономерность, характерную для многих языков. Вспомните-ка, по-немецки грoсфатер, по-французски - гpандмаман. Если перевести буквально - большой отец и старшая мама.

Память Натальи Павловны хранит имя прадеда Егора. О нем в семье нередко говорили, вспоминали. Крестьяне свою родословную знали, с почтением к предкам относились, А рассказы стариков о прошлом - это же такой урок любви к Отечеству, к людям, жившим на той же земле.

-Егор-то здоровый был, взяли его в солдаты, он из армии больной пришел. Якова - сына, пришлось в семь лет отдать в работники. Он, бывало, рассказывал, как жил в работниках. Всякое было. Вот один случай: «Как-то раз пьют хозяева чай, а мне тоже охота. Я смотрю на них из уголка. Хозяйка заметила и спрашивает:

-Чаю хочешь?

-Хочу.

Она налила чашку, подала, а без сахара. Самимто вприкуску пили. Я выпил, больше уж не хочу, она еще наливает, выпил ее, а она третью льет. Я взмолился:

-Не хочу!

А она говорит:

- Кажи зад!

Я испугался. Как это? Зачем?

-Не покажу, - говорю. За штанишки схватился. А она смеется.

-Дурачок! Не свой зад кажи, а чашки. Напился, так переверни ее».

- Беднотой были. Куда деваться! - заключает свой рассказ бабушка. И задумывается. Сейчас ее мысли о своих детях. О них заботы, о них душа болит. Пятерых родила Наталья Павловна, живы трое. Ленечку похоронила, когда ему было 10 лет. Ножку ему собака укусила. Видно, заражение началось.

-Я так плакала, когда его схоронила. Как-то раз в поле работаю. Плачу, ничего не вижу. А идет старичок по дороге. Остановился.

-Что плачешь?

Я ему все рассказала. А он мне говорит:

-Не надо плакать. Это уж как кому на роду написано. Это судьба. Она у каждого своя.

-Горе-то мое всегда со мной, а как-то легче стало от того разговора. Иван – старший мой – с войны пришел в ногу раненый. Рана его всю жизнь мучила. Ногу отняли. Вот и умер он. А то бы еще мог пожить. С 25-го года он. И мой муж с войны не вернулся. В 1945 году погиб. Всю войну прошел. Писал: «Жди, Наталья. Сейчас уже недолго. Жили мы с тобой до войны хорошо, а приду, еще лучше жить будем...».

Пятерых поднимала она одна. Как-то раз зашла к ней соседка, бездетная, посмотрела на всю ораву, что за столом сидела, и говорит:

-Ох, Наталья, как ты с ними? Тяжело ведь!

Вроде как пожалела меня, а потом на старости лет эта соседка не раз повторяла:

- А ведь и вправду ты мне тогда сказала: «В детях и горе, и счастье, и богатство мое». Как тебе сейчас хорошо.

Дети-то Наталью Павловну не оставляют, почитают, помогают матери. Они и решили 90-летие ей отметить.

- Такой матери, - сказал Анатолий (он как раз дома был, когда мы приехали), - грех не отметить юбилей. Таких матерей поискать.

Дочь у Натальи Павловны живет в Курьях, сыновья в Екатеринбурге. Но работают они посменно, поэтому, почти всегда рядом с матерью. И она вместе с ними работает в огороде, за кроликами ухаживает. Перенесла операцию на глазах. Читает.

Закончила Наталья Павловна 3 класса церковно-приходской школы. Училась на одни пятерки. Ей говорили – надо дальше учиться, есть способности. Но тогда и так все ее родителям говорили:

-Зачем девку отдали учиться? Чтобы парням письма писала?

А она до сих пор помнит многое из школьного курса – про животных, закон божий. Прочитала наизусть «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина. Она и сейчас вечерами читает Евангелие – молитвенник, который хранит с детства.

- А когда уснуть не могу – рассказывает Наталья Павловна, - начну молодость вспоминать, обручение свое. Какое оно у нас хорошее было!

Мужа своего она на вечерках выглядела. Приглянулись друг другу. А в январе свадьба была. Венчались в Поварне. Там церковь до сих пор стоит. Свадьба была в доме мужа. У Натальи платье было голубое. «Небесного цвета», - говорит она. На голове

цветы восковые. Фату тогда не надевали. Народу много было.

- А я от всей души плакала по девичьей жизни. По маменьке родимой.

Сергуловку я любила. Два года назад Толя возил меня к моему родному дому. Дома уж нет, а лиственница, что тятя садил, стоит.

Стоит лиственница, посаженная добрыми руками, живут дети, живет добрая старая женщина, умеющая жить, любить жизнь, знающая главную ее мудрость.

-В чем секрет вашего долголетия, что делать, чтобы вот так долго прожить и сохранить память, здоровье?

- Какое там здоровье? – говорит она. – А жить-то как? Робить надо. Робить, скотину выращивать, землю обрабатывать.

И я думаю еще, что делать это надо все с любовью. Доброта, любовь во всем облике этой женщины. И это ей помогает жить.

1993

Всей нашей жалости не хватит...

Вероятно, началом истории можно считать теплую июльскую ночь 1946 года. Татьяна родила девочку. Она была уверена, что у нее будет мальчишка. Ждала именно сына – Алешку, этого же хотел и ее муж, так и не дождавшийся рождения ребенка. Он вернулся с войны домой, но заболел туберкулезом и умер в госпитале.

Таня до того убедила себя в том, что родится Алешка (она и имя-то мужа хотела передать сынишке), что растерялась, когда акушерка радостно воскликнула:

- Вот так девчонка, ну и девчонка у нас! Давайте-ка ее на весы. Ты, мамаша, чем питалась?

- Картошкой! – ответила Таня и тут же добавила, - только вы, наверно, ошиблись, у меня мальчик должен быть.

Акушерка и медсестры расхохотались.

- Да нет, мы разбираемся немного в этом. Научились отличать мальчиков от девочек.

Ей показали красную, орущую во весь рот девчонку, и удивленно заметили, что весит-то та совсем немного, вероятно, такое впечатление произвела новорожденная потому, что в войну рождались дети весом гораздо ниже нормы...

Таня лежала на чистой постели, рядом на стуле стояли горячий чай с сахаром и настоящий белый хлеб – роскошь по тем временам. Но ей не хотелось ни чая, ни хлеба. Какой-то восторг охватил ее душу. Она чувствовала неиспытанное ею ранее удовлетворение, будто сделано большое, великое дело, преодолено какое-то невероятное препятствие, а дальше, дальше только счастье, только радость...

Ее полагалось перевести в палату, но по какой-то причине ее снова положили в предродовую. Но Тане было все-равно...

Риту она увидела сразу, как только ту завели в палату. Маленькая с огромными черными глазами, наполненными слезами, она еле шагала, со страхом оглядываясь кругом.

Таня улыбнулась ей как старой знакомой, хотя видела впервые и только потом узнала, что зовут ее Ритой.

– Не бойся, - сказала она. – Знаешь, как хорошо тебе скоро будет.

Рита жалко ей улыбнулась и ответила:

– Мне не будет, у меня воды отошли.

Подвезли каталку, Татьяне велели немедленно лечь на нее, чтобы перевезти в палату.

- Да, я дойду, - запротестовала она, но идти ей не разрешили, и по длинному коридору с высокими окнами прокатили со всей торжественностью.

На утро она ждала свиданья с дочерью.

- Надевай намордник, - скомандовала немолодая женщина, лежавшая рядом.

Татьяна натянула на нос выданную ей марлевую повязку и села на своей постели. И только тогда увидела, что у стены лежит та черноволосая, которая должна была рожать вслед за ней. Таня сразу заметила что-то неладное. Все женщины ждали детей. Их уже везли по коридору, слышен был дружный рев, а эта лежала не шевелясь.

Перехватив ее взгляд, пожилая, ее звали Тоня, прошептала:

- Ребенок умер!

У Тани сжалось сердце. А она-то ей еще говорила: у тебя все будет хорошо. Как стыдно сейчас за свою радость. Татьяна ведь и сама пережила это. В начале войны у нее родился сын и сразу умер... Как она плакала тогда, как отчаивалась, не знала, как Алеше написать об этом... Слезы невольно набежали на глаза. А сестра несла ей уже розовую пеленашку и улыбалась.

Кормление закончилось. Рита повернулась лицом к палате. Татьяна встала и подошла к ней.

Кажется, само сердце подсказывало ей, что надо делать. Она гладила ее пышные волосы, щеки, грела ей руки.

- Ты не плачь, не плачь. Я тоже плакала. А вот видишь еще родила...

Долго еще с Ритиной постели доносились шепот и всхлипывания.

Прошло три дня. Однажды в коридоре пожилая нянечка, подойдя к Татьяне, тихонько сказала ей:

- Ты все эту черненькую привечаешь, смотри, изурочит она твою девку. Она все смотрит и смотрит на нее. Мы ее вчера ночью из детской выгнали, она над ней стоит и разглядывает.

Таню так и обдало жаром.

- Что вы говорите? Это неправда! Кто ее впустил в детскую?

Но тревога вползла в сердце черной змеей. А девчушка (Таня ей никак не могла придумать имя) и правда стала какая-то не такая. Грудь брала вяло, засыпала во время кормления или просто лежала на ее руках, синими своими глазами бессмысленно глядя в потолок.

Случай, который произошел в ближайшее время, совсем выбил Татьяну из колеи. Ночью палата проснулась из-за того, что в коридоре происходило

что-то странное. Кто-то плакал, кричал, кто-то строгим голосом кого-то увещевал...

Татьяна, приподнявшись на локте, в свете пробивающегося из коридора луча увидела, что Ритина кровать пуста. Сердце-вещун подсказывало, что весь этот шум касается ее, Риты и маленькой девчужки. Она выбежала в коридор.

Няня буквально тащила за руку Риту, упиравшуюся изо всех сил босыми ногами, хватаящуюся за выступы стен.

- Ты что, девка, с ума сошла? - строго говорила она.

- Это мой ребенок, это моя дочь, - кричала, рыдая, Маргарита.

- Где ребенок? Где мой ребенок? - зашептала Таня, она не могла кричать. У нее всегда перехватывало горло, когда она сильно волновалась.

- А ты чего вскочила, кому нужен твой ребенок. А ну, марш в палату!

- У нее нет ребенка, - захлебываясь слезами, продолжала кричать Маргарита. - Это моя дочь. У нее умерла. А это моя, моя, моя Соня!

Татьяна не помнит, как она очутилась в кабинете врача. Она потеряла сознание, а когда открыла глаза, увидела дежурного врача, медсестру и снова услышала рыдания Маргариты.

- Что она сделала с моей девочкой?

- Не волнуйся, она ничего не сделала с ней. У нее нервное расстройство, это бывает. Она кормила твою малышку грудью. И делала это, видимо, не первый раз, к нашему стыду, - несколько иным тоном добавила врач и посмотрела строго на молоденькую медсестру, дежурившую в детской.

- Она хочет забрать мою дочку? Украсть? Да? Зачем она ходит за ней, зачем кормит? Мне говорили, я не поверила... Я ее так жалела.

- А ты ее еще сильнее жалеяй. Всей нашей жалости ей мало будет. Ты видишь, она же евреечка. На ее глазах всю ее семью убили. Она чудом спаслась. Из самого пекла через партизан ее сюда к нам с ранеными привезли. Она зверенышем на всех смотрела. В госпитале ее оставили. Девчонка ловкая, толковая. Ухаживала за бойцами, перевязки делала, подрастала у нас на глазах. Я тоже в госпитале работала, - объяснила она. - Лейтенантик молоденький у нас лечился, да их этих мест родом. Полюбили они и решили, как только он выпишется, свадьбу сыграют. От нашего госпиталя до его села 18-20 километров по прямой будет. Он все говорил:

- Только выпишите меня скорей. Я пешком домой побегу.

Вот и выписали, пошли они с Ритой к его родным, а он в гору поднялся. Маргарита рассказывает, на часы посмотрел, были у него трофейные. Прислонился к березе и по стволу вниз сполз, будто присесть решил... Рита к нему наклонилась. А он вздохнул будто или ахнул тихонько и затих. Сердце...

А она... Как она не умерла рядом с ним? Ведь их люди нашли: она легла рядом с ним и лежала. Как они с утра в субботу домой пошли, их только утром следующего дня мужик нашел, на лошади ехал и увидел. Она потом родителей его отыскала. Все рассказала, да и призналась, что ждет дитя. Это их и поддерживало, всех троих. Он у них один был сын...

А вот видишь, как с дитем-то вышло. Не может она смириться с мыслью, что нет у нее от Саши ребенка. Своим больным воображением и представила, что мы детей перепутали: будто твоя умерла, а эта девочка ее. Она больная, не сердись на нее...

Татьяна молчала, но успокоиться не могла, пока не принесли ей ребенка, пока она не приложила она к своей груди и не уткнулась носом в пахнущую особым запахом шейку младенца.

- Дочка, дочка моя, - шептала она бессвязно. Сейчас войны не будет. Сейчас все будет хорошо. Рита, она еще молоденькая, она еще полюбит и родит себе девочку. А я тебя никому не отдам, никому...

1997

Зачем ты пьешь?

Маленький принц, прилетев на планету, где жил пьяница, обращается к нему с вопросом:

-Зачем вы пьете?

-Чтобы забыть, - отвечает пьяница.

- Что забыть? - допытывается Маленький принц.

- Я забыл, что забыть! - отвечает пьяница.

Господин Мармеладов, один из героев Достоевского, объясняет свое пристрастие к вину так:

- Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищю. Не веселья, а единой скорби ищю. Пью, ибо сугубо страдать хочу.

Отчего и для чего пила эта молодая женщина? Недавно она умерла. Оставила двух детей. Они подростки. Вполне самостоятельные, привыкшие ко всему дети. Они нагляделись всякого, видели свою маму в разных ситуациях. Не дай Бог никому такое пережить.

Но они ей все прощали. Они ее любили, потому что и она любила их. Когда они были маленькие, ее лишили родительских прав, но она нашла в себе силы, бросила пить, привезла их домой. Как могла, холила и ласкала, баловала и потакала.

Добрая душа была у той сбившейся с дорог женщины. Но пагубная страсть оказалась сильнее. Пила до конца своих дней. От этого и умерла – отравилась.

Непутевая, заблудшая, когда где она сбилась с пути? А главное, на какой путь ребят привела, как их судьбы сложатся? Ведь из-за нее, из-за пьянства другие ребята к детям относились, как бы это сказать, с презрением, что ли. Их дразнили, их чурались. Некоторые матери откровенно приказывали не играть с этими воришками, хулиганами и т. д.

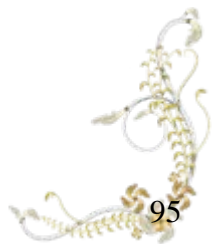
Водилось за ними и воровство, и драться они умели, зато не могли пройти равнодушно мимо брошенного котенка, щенка. Скольких вынянчили! А сами оказались наподобие. Они ничего не хотят слышать и знать, что творится в мире. У них свой мир – заплеванный, загаженный, пропахший перегаром. И чаще всего именно в этом мире совершаются самые страшные преступления: сын убивает мать, жена – мужа. А мы, прочитав очередное сообщение в криминальной сводке, равнодушно говорим:

-А, пьяные были!

Пьяные! Сколько же их рядом с нами, на нашей улице, в нашем доме. Мы совали им трешки,

сейчас – тысячи, когда они с трясущимися руками просят на похмелье. Жалеем мы их или презираем? Их не спасает ни жалость, ни презрение. Их не может спасти даже любовь, они ведь сами топчут любовь своих жен, своих детей. А мир наполняется чудодеями, которые обещают в несколько дней освободить человека от пагубного пристрастия. Вот и опять афиша у клуба. Отдай 15 тысяч – и ты непорочный, как ангел небесный. Господи! Легко-то как! А люди мучаются. Сколько веков уже мучаются.

1993

Короткие встречи

Написать об Андриюше мне хотелось давно, с момента встречи в электричке. Он ввалился в вагон с тремя огромными сумками, росточка небольшого, коренастый, черноглазый, в камуфляжной форме. Весело посмотрел вокруг и сообщил, что у сумки оборвалась ручка – черт бы ее побрал.

- В отпуск? – спросила я.

- Ага! – коротко ответил он.

- В Еланских служишь?

- Нет, в Тюмени. Недавно вернулся из Чечни.

Это был сентябрь. В Чечне шли бои. И естественно, мы стали расспрашивать Андрея, как там, что?

Парень отвечал односложно.

- Газеты читаете? Ну, вот! Там же пишут...

Охотнее говорил он о доме.

- Мама-то знает, что ты едешь?

- Нет! Я хочу неожиданно. Приеду, уже темно будет. Я подойду к дому, нарочно брошу палку во двор. Собаки залают. Она испугается, будет в окно смотреть. Спросит: кто там? А я буду молчать. Потом она, как увидит меня, как выбежит...

От его фантазий больно сжималось сердце. Ребенок еще, совсем ребенок! Он и там, в Чечне,

видимо, не раз прокручивал этот эпизод возвращения домой. А рядом погибали ребята. Разговорившись, он все-таки рассказал кое-что. Одни парни спустились в подвал за вином, а там была натянута тонкая, как паутинка, проволочка. Шаг – и подвал взлетел на воздух. Так же погибли ребята, захотевшие отведать винограда. Погибли даже не в бою. С ненавистью говорил, как сняли снайпера:

- Баба молодая, говорит на русском. Наглая...

Все молчат. Он тоже молчит. Вдруг достает из сумки маленький инструмент. Это резак.

- Занимаешься резьбой?

- Да. Я шкатулки делаю, фигурки разные.

- Из какого дерева?

- Из пихты, липы. Липа мягкая. А из пихты, знаете, какие белые получают, как из воска. Вот я сруб из пихты сделал, еще до армии. Зайдешь внутрь, кажется, стены светятся. Он ласково трогает лезвие резака, улыбается.

- Повырезаю. У меня рисунок есть. Веселая морда такая. И сам смеется, предвкушая, как будет вырезать эту веселую морду.

Родом он из Красноуфимска, отец работает в лесхозе. И сам Андрей с детства в лесу. Смотрит за окно, на наш лес. И с гордостью говорит:

- У нас места красивее. У вас тут однообразно как-то. Знаете, у нас сколько калины в лесу! Мамка пирогов с калиной настряпает...

- Подарки что ли везешь в сумках-то? - спрашиваем его.

- Какие подарки? Паек дали на пять дней да плащи купил, на охоту с батарей ходить будем.

Он смеется. Он вообще улыбчивый, добрый, несколько месяцев в Чечне не убили в нем главного - любви к жизни. И встреча с ним оставила самые светлые чувства. Какое счастье, Андрюха, что ты остался жив, что поставишь еще не один дом на земле - светлый, теплый, радостный!

... И снова стук колес и новая встреча. Вот в вагон зашла группа молодых людей с гитарой. Уселись дружной кучкой на двух диванах. И запели. Стройно, чисто, красиво. О чем это они? Конечно, о любви. Но о какой?

В любви и славе будем жить с тобой,
Веди нас, господин, земли и моря, и огня.

Да, сейчас многие ребята уходят в веру. Что это? Мода или желание скрыться от действительности в красивой, спокойной обители?

Мои соседи, выпускники военного училища, уходили в тамбур покурить. Зашли и, услышав звук

гитары, устремились к ребятам. Они не поняли, о чем те поют.

Черненький, он побойчее, просит гитариста дать инструмент. Берет, перебирает струны. Запел высоким дисконтом. До меня доносятся слова:

И тогда, моя девочка
В платъице белом,
Я тебя назову
Офицерской женой.

Песня тревожная, эмоциональная, никак не совпадает с тем, что поют и проповедают ребята. И точно, уже слышу спор:

- Христос считал грехом брать оружие.
Помните одну из заповедей: не убий!

- Ваш Христос тоже брал в руки оружие.

- Какое?

- Да хотя бы плеть, когда выгонял торговцев из храма.

- Он был вынужден.

- А мы без нужды тоже не берем...

Молодец лейтенант, не сдает позиций!

А поезд мчится дальше, стучат колеса. И мои офицеррики подтягивают ребятам:

*Идем, мой друг, идем
В Благословенный Ханаан,
С тобой познали горя мы сполна.*

*Оставим рабство духа
В царстве мрака и греха,
Наш путь туда, где счастье и весна!*

Ах, как хочется, чтобы в жизни всех этих ребят не было горя, мрака, злобы, а было бы больше счастья и радости.

1996

На балконе

Каждая женщина знает о том, как мало в нашей жизни блаженных минут свободы, которые принадлежат нам и только нам, когда можно расслабиться, отключиться от забот.

Молодая мать тем более перестает принадлежать себе. Она отдана детям, мужу, кухне и проч. Но иногда вдруг выпадает минутка, когда дети спят, муж на работе, пеленки сохнут на солнышке, обед готов, хлеб и молоко есть, бежать за ними не надо. На улице к тому же светит солнце, а к тебе пришла долгожданная подруга, которой есть что рассказать и у которой столько интересных новостей. Вот именно в такой день и произошла эта история.

У Любы двое детей: одному три года, второму – восемь месяцев. Трехлетний Алешка спал в кроватке, а Мишку она и уложила в колясочку, подкатив ее к балкону. Они же с Ольгой сидели на балконе и даже пытались загорать. Осеннее солнышко не жгло, а ласкало. Вдруг в комнате раздались шаги босых ног, и в проеме двери, радостно улыбаясь, появился Алешка. Женщины заулыбались, потянули к нему руки. Но мальчик вдруг решил побаловаться.

-А я вас закрою! – радостно заявил он. Не успели женщины глазом моргнуть, как дверь захлопнулась.

- Алешенька! – возмущенно воскликнула мама и попыталась открыть дверь, но, увы, шпингалет спрыгнул вниз. Взрослые оказались изолированными от детей стеклянной дверью. Алешка тянул на себя ручку, стараясь выйти на балкон.

- Алеша, - вразумляла его мать, - подними шпингалет.

- Какой? – мрачно спрашивал Алеша.

- Внизу, железную палочку.

- Тут нет палочки.

- Как же нет, ты же видишь, там дверь закрылась, тяни за шарик вверх. На железной палочке шарик! – прижав лицо к стеклу, кричала Люба.

Алешка понял, он потянул шпингалет вверх, но ничего не получалось. Сил не хватало. Что же делать?

- Алешенька, мы будем тянуть дверь. Ты в это время поднимай шпингалет, - кричала Люба.

Но легко сказать тянуть. Со стороны балкона ручки нет, и ухватиться буквально не за что. Впившись в доски ногтями, они пытались ослабить

шпингалет, так легко вошедший в отверстие и не желающий подниматься.

Алешка кряхтел, но все его усилия были напрасны.

- Ему не открыть. Мы сами иногда молотком открываем, - роптала Люба.

- Так пусть и он попробует молотком, - сказала Оля.

- Алеша, ты знаешь, где у папы молоток?

- Знаю! - закричал Алеша. - В ящике.

- Принеси его, постучай по шарик у молотком.

Алеша ушел. Мать с тревогой смотрела в окно. В коляске зашевелился Мишка. И когда с криком «Нашел!» старший сын появился в комнате, младший подхватил этот крик громким ревом.

- Покачай его, покачай, - командовала Люба, а сама готова была уже разбить стекло, лишь бы очутиться там, рядом со своими птенцами.

Алеша заглянул в коляску и, желая успокоить малыша, замахал перед его носом тяжелым молотком.

- Что ты делаешь? - кричали обе женщины, - положи молоток.

Мальчишка испуганный воплями, положил молоток в коляску и, видимо, поняв отчаянность своего положения, заревел за компанию с братом.

- Что делать, что делать? – метались по балкону женщины.

- Давай позовем кого-нибудь с улицы, - предлагала Оля.

- Но как они зайдут, ведь Алешке не открыть дверь и не достать ключ.

Люба снова бросилась к окну. Дуэт сыновья тянули отменно. А Алешка еще отчаянно кричал: «Мама! Мама!».

- Я разобью стекло! – решила Люба.

- Не руками! – успела крикнуть Оля.

На балконе, кроме стульев, горшков с цветами и коврика, ничего не было.

- Стулом?! Стекла полетят в коляску!

- Хоть чем бей, в коляску стекло может отлететь.

- Надо кричать.

- Ну и что?

- Помогите! – перегнувшись через перила балкона, крикнула Ольга. Но, видимо, кричала она довольно робко, и никто не обратил внимания на ее крик. Малыш в коляске пытался встать. Алешка держал его из последних сил.. И в это время звякнул замок, раздались шаги, и в комнату вошел Сергей, отец малышей.

Он подхватил на руки Мишку и с удивлением уставился на два расплющенных носа, прижатых к стеклу балкона. В глазах женщин было столько отчаянья...

- Вы что? – воскликнул он.

- Открой нас, - простонали они.

Люба, ворвавшись в комнату, начала обнимать детей, Оля и Алешка рассказывали Сергею, что произошло. Мишка счастливо улыбался на руках отца, а в коляске лежал молоток.

Потом ели арбуз, снова прокручивая случившееся и постоянно задавая вопрос: а что было бы, если бы не пришел Сергей?

1992

На празднике

Собрались по поводу дня рождения. Все хорошо помнили даты рождения друг друга, поэтому никто не спрашивал «новорожденного» о его планах на этот день. Ждали вечера, и «заваливали» всей спаянной компанией.

Было все: и горячее, и горячительное, по комнатам носились умопомрачительные запахи, подарки вручались при входе. Именинница благодарила, не разглядывая, складывала их, а сама вновь бросалась на кухню. Стол уже был накрыт. Запотевшие бутылочки аппетитно возвышались среди горок салатов, солений, студня и прочей закуски. Мужчины закуривали, неловко топтались у «музыки», сбившись в кучу, не решаясь без женщин сесть за стол. Что-то еще торопливо доделывалось на кухне и, наконец, вес рассаживались по местам.

Самый красноречивый быстро произнес тост, который больше относился к содержимому стола, чем к хозяйке. Кто-то поторопил знаменитым «поехали» и – поехали... Уговаривать выпить или закусить не нужно было никого. «Вино лилось рекой, сосед поил соседа». Красноречивых за столом выявилось все больше, дым стоял столбом, говорили почти все, не слушая друг друга, о чем-то спорили,

перебивали, сбивались с темы. Об имениннице забывали. Она носилась из комнаты в кухню. Изредка разомлевший от еды и вина, наиболее сентиментальный гость хватал хозяйку за руку, притягивал к себе так, что она шлепалась к нему на колени, и кричал:

-Ирка, мать твою, люблю ведь я тебя!

ОН был искренен. Он любил и хозяйку, и этот вечер, и стол, приготовленный ее руками. Музыка с магнитофона надоела, но, услышав знакомую мелодию, подхватывали, подпевали от души, самозабвенно, не слушая «оригинал», захлестывали его своими эмоциями. Любили плясать, выкрикивая частушки. Юмор некоторых в основном держался на одной лишь нецензурщине. И в этом гомоне, толкотне, в этой атмосфере винных паров и табака они отдыхали, молодели душой и телом.

Нелли Леонидовна, учительница, работавшая в этом селе уже второй год, была в этой компании своей. Они ее уважали и пригласили в первый же год ее приезда сюда. Ведь скучно ей одной в праздники. И она согласилась, и ходила вместе со всеми на дни рождения, как ходили к ней. Она не пила, но пела и плясала. А еще мучилась...

Нелли Леонидовна давно хотела провести родительское собрание на тему «Свободное время».

Многие из гостей были родителями ее школьников. Была у Нелли Леонидовны мысль после первой вылазки в гости самой взяться за организацию праздников. Выпустить газету, посвященную имениннику. Каждому гостю дать задание – сочинить тосты в честь виновника торжества. Собрать деньги да сделать большой подарок со значением. С добрыми словами вручить его за столом. Попыталась она, на затею ее посмотрели с любопытством, но без энтузиазма, а быть затейником на каждом вечере, ломать традиции молодая учительница не смогла. Вот и сидела она не грустная и не веселая вместе со всеми, и вспоминала, как ее «распределяли» работать в деревню, как рвалась она туда, сколько привезла с собой книг, как мечтала приобщить детей к прекрасному, а натолкнулась почти на полное равнодушие.

Как была поражена она грубыми выражениями в речи детей и их убежденностью, что так говорят все. Нет, что-то ей удалось, и дети к ней потянулись, но труднее всего было с родителями. Почти все они относились к ней с уважением, жалели ее, но к советам ее не прислушивались. Вот и сейчас, как они себя ведут, ее родители. Как скучно, как бездарно убивают время, а она с ними ничего не может поделать. Вот и жениха ей подыскивают, и

будет она всегда жить в этой деревне, так же ходить по воскресеньям в гости, по субботам – в баню, копаться в своем огороде, ухаживать за скотиной. Нет. В этом нет ничего страшного. К этому она привыкла с детства. Но ей надо что-то еще. А этого «что-то» здесь нет! А может, просто она не сумела его разглядеть?

1993

Настроение художника

У Баранниковой река Пышма разлилась широко, и кажется, она готова здесь впитать всю ширь синего июльского неба. А вокруг бор старый и мудрый, в который так хорошо прийти и с радостью, и с горем. Он все поймет, этот бор.

Здесь, в Баранниковой, живет Виктор Георгиевич Кузьмин. Работает художником-оформителем, а в свободное время с красками и кистями идет в лес, в поле, на реку. Такой выход – всегда праздник для Кузьмина. Природа щедра на подарки, а перед человеком, понимающим ее, она раскрывается до последней травинки.

В новом доме культуры в зале, залитом солнечным светом, пахнущем свежим деревом и краской, расположилась выставка работ В. Г. Кузьмина.

Могучие сосны, выросшие где-то на открытом месте, подставляют свои широкие зеленые ветви яркому солнцу. Стволы освещаются с противоположной, невидимой зрителю стороны. И поэтому, кажется, что сосны светятся откуда-то изнутри и сами излучают тепло. Причудливый узор обнаженных ветвей, тени – все это настолько

реально, близко, знакомо, что сердце щемит от радости узнавания родных мест.

Понятны отзывы зрителей – земляков Виктора Георгиевича: «Я никогда раньше на таких выставках не бывала, - говорит одна из женщин, - в лес хожу постоянно, а сейчас смотрю картины, так ведь это наши места! Как же это можно расстаться с такой красотой? Да никогда в жизни!».

Пробуждать любовь к природе, к родному краю, учить человека видеть прекрасное в жизни – это основная задача искусства, и, предлагая землякам к дню открытия дома культуры выставку своих работ, Виктор Георгиевич решал именно эту задачу.

Тетрадка для отзывов хранит слова искренней благодарности этому скромному человеку.

Очень короткая фраза, но такая сокровенная мысль: «Я как будто в детстве побывал». Или такие слова: «Видно, так любит родину этот художник».

«Все можно прочитать, глядя на эти картины: и прелесть природы, и настроение художника в момент создания картины».

Действительно, отсутствие людей на полотнах не лишает их привлекательности. Даже наоборот, придает им какую-то лиричность. Тающий снег на крыше сарая. Серое небо, отяжеленное мокрым,

последним снегом. Темная тропинка вдоль изгороди с ответвлениями к калиткам. Черные точки птиц на фоне снега. И в этой знакомой картине присутствие чего-то необычайного. Может быть, это достигается тем, что свет исходит не сверху, мы привыкли, а от снега, снизу.

Запоминаются пейзажи «Стожок», «Листопад в лесу», нельзя пройти мимо пейзажа «Осенние березы»... Высокие, статные, горят они последним жаром золотых листьев. И в этом самосожжении какая-то великая мудрость жизни. Горят березы, чтобы вновь распуститься по весне нежной пахучей зеленью.

Натюрморты. Они тоже очень удачны. И хотя слово «натюрморт» означает «мертвая натура», у Кузьмина натюрморт живой. В каждом незримо присутствует человек.

Вот рядом с тонким стеклом вазы – очки. Их золотая оправа, прозрачные стекла как бы подчеркивают нежность букета.

Желтые купавки – эти лесные розы, кажется, только прикоснись рукой к ним – и ощутишь их упругость и прохладу.

Сотни раз видели мы эти купавки, эти березки, сосны, эти алые гроздья рябины. Но одарен один из нас волшебной силой – в обычном найти необычное.

И своим искусством видеть мир по-особому, он щедро делится с людьми.

Любят и уважают односельчане Виктора Георгиевича. И за то, что не бывает он равнодушным к любому делу, проводимому в селе, и за то, что привлекает он многих односельчан музыкой. Сейчас в Баранниковой большой и малый эстрадный оркестры, струнный, духовой. Больше 50 человек заняты музыкой, и это не без старания Виктора Георгиевича.

Счастливы люди, живущие рядом с этим простым, скромным человеком, привыкшим делить с ними и радости, и беды.

Очень хотелось бы, чтобы выставку картин В. Г. Кузьмина могли увидеть и городские жители.

1980

Про одну женщину

Каждое время рождает свой фольклор: свои сказки, поговорки, анекдоты.

Две истории, отражающие наше сегодня, передаваемые из уст в уста, думаем, развлекут вас.

Одна женщина возвращалась домой поздно вечером, а на ней шапка была дорогая, меховая. Идет он по улице, чувствует, за ней кто-то топает. Прибавила шагу. И «он» прибавил, она бегом и он бегом. Вот уж они совсем поравнялись, а на тротуаре ледок. Он к ней рванулся, поскользнулся и упал. И она упала, шапка с головы соскользнула.

Она не помнит, как вскочила, как шапку схватила и бегом в свой подъезд. По лестнице взлетела, в квартиру звонит.

Муж открывает.

-Что с тобой?

-Ой, за мной мужик гонится, хотел шапку с меня сорвать!

-А у тебя чья шапка в руках?

-Как чья? Моя!

-Да ты что?! Твоя, сзади висит, а в руках-то мужская.

-А-а-а! Я же свою, на резиночку зацепила и совсем забыла. Значит эта шапка того мужика.

* * *

Другая женщина поехала в Тюмень за сапогами. Ходит она по барахолке, меряет сапоги. Денег у нее с собой девяносто тысяч. Подходит к ней парень, предлагает сапоги.

Посмотрела она, вроде бы ничего.

-Можно померять?

-Меряйте.

Один сапог на ногу натянула. Второй натягивает, а сумочку с деньгами под мышкой держит. Вдруг этот парень сумку у нее хватает – и бежать. Она в одном сапоге, второй не успела надеть. Своя обувь рядом... Кричит, ну а парня и след простыл. Смотрит она на сапоги, и вовсе он ей не нравятся. И не стоят они 90 тысяч. Ну что делать? Не бросать же. Пошла в городе искать каких-то знакомых, просить денег на электричку.

Приехала домой расстроенная. Муж открывает двери, смотрит на нее, видит в руках сапоги и говорит:

-А на какие это деньги ты сапоги купила? Ты же свои девяносто тысяч дома оставила...

1993

Ранняя весна

Беркутов учился слабо. Иногда Галине Евгеньевне казалось, что он не отвечает из упрямства, иногда она даже подвергала сомнению его умственные способности.

- Восьмой класс, - ужасалась она, - а он пишет чу-щцу с буквой ю. Да еще слова искажает: «Мы очющаем приближение весны».

Это первое предложение из домашнего сочинения рассмешило и расстроило ее. Но дальше... Дальше Витька писал так хорошо и необычно, что Галина Евгеньевна даже заподозрила, не списал ли он где-то эту милую зарисовку. Витька писал о голубых тенях от серых берез, которые вдруг стали розовыми, будто в них спрятались лучи раннего весеннего рассвета, о шумных воробьях.

Конечно, там были ошибки, но что они по сравнению с тем, как увидел этот мальчишка весну, как почувствовал, как передал.

Галина аккуратно исправила ошибки и поставила внизу две отметки: за содержание - «5», за русский язык - «2».

Перед уроком она подошла к нему и попросила разрешения прочитать сочинение в классе.

Витька покраснел до корней волос – он был беленький, и когда краснел, полностью подтверждал крылатое выражение, что «краснеть до корней волос» можно. Он смотрел на учительницу своими огромными серыми глазами и молчал. Было в его взгляде что-то нежное и отчаянное одновременно.

Галина сначала ничего не поняла, но вдруг ее как током пронзило. Она почувствовала, что этот мальчишка смотрит на нее не как на учительницу. А как?

– Нет, что за глупости, что за взгляды, – конечно, вслух она этого не сказала, а просто, но уже гораздо суше, повторила вопрос.

– Нельзя. Не читайте, – прошептал он.

И сейчас уже покраснела она. Так это было сказано...

Сердце ее почему-то вздрогнуло, она мысленно произнесла: «Мы ощущаем приближение весны...»

А потом он принес ей тетрадь со стихами. Все они были посвящены ей. Смешные, неумелые, но искренние и страстные. Он приходил к ней каждый вечер. Причины находились. Он покорно писал диктанты и заучивал наизусть правила. Он отвечал на уроках на все ее вопросы.

Первыми такие необычные изменения заметили девчонки. Обожавшие до сей поры

учительницу, они вдруг резко переменили к ней свое отношение. Громко смеялись ей вслед, шушукались на укор.

Она понимала, он любит ее. Ну, любит и любит. Вот и польза есть от этой любви, вон как хорошо он стал знать ее предмет.

А весна приближалась и была в том году ранняя. До Егория скот выгнали в поле. Он пас коров. А она в выходной ездила в город и встретила там своего бывшего сокурсника. Пригласила его заехать в свою деревню. Шли они с автобуса через покотину. И он увидел их, веселых, безмятежных, то идущих рядом, то на расстоянии.

Галина узнала своего ученика, помахала ему рукой и прошла дальше. Она даже представить не могла, что творится в его душе. А он упал лицом в стог сена, заскрежетал зубами... Хотел, но не мог заплакать. Ему хотелось выть, кричать, бить руками по этому еще душистому сену.

Как только раздался стук копыт (к нему подъезжал на коне пастух), он соскочил с сена.

- Ты что, заболел? - спросил его дядя Сережа.

- Н-не знаю, - едва разжав губы, просипел Витька.

- Ты, парень, иди-ка домой. На тебе лица нет.

Витька только и ждал этого. Он сорвался с места и бросился бежать. Первым порывом было догнать тех двоих и... Что и..., он не знал. Однако это коротенькое слово всплыло само собой: и убить. Убить! Он резко свернул от пары, которую уже почти настигал. Справа тянулась изгородь местного кладбища. Деревья еще не покрылись листвой, и голубые кресты и цветы бумажных венков были видны насквозь.

Вот здесь ее похоронят. Он вспомнил комья желтой глины, деревянный гроб, в котором хоронили бабушку. Чувство протеста шевельнулось в нем. Он остановился, встал, облокотился на забор. Рисовать картину ее похорон не хотелось.

Лучше убить себя. А как? Ха, у него же есть обрез. Они с Николой сделали его тайком, ходили к бывшему кирпичному заводу стрелять. Это такой длинный сарай за деревней, там когда-то из красной глины кирпичи делали. Хорошо, что про обрез он не рассказал ей, а хотел. Хотел даже позвать ее с собой – пострелять.

Витька побежал домой, обрез был спрятан на сеновале под досками.

Надо уйти в лес и все это сделать там. Он засунул обрез за ремень, уложил в карманы

патроны. Как хотелось зайти к ней домой, как тревожили его задернутые занавески на ее окнах.

- А может, окно разбить? - подумал он, увидев на дороге большую круглую гальку.

Пусть она прилетит прямо на стол. Он вспомнил маленький письменный стол у окна. Стеллаж с книгами, вазу на полке. Ваза эта даже зимой не пустовала. Он, придя в ее дом в первый раз, удивился, что в такой красивой вазе у нее стоит сухая ветка и какие-то засохшие травинки. Ведь в сельмаге продавали такие красивые пластмассовые розы. Но приглядевшись к этой ветке, к засохшим, но сохранившим цвет зонтикам тысячелистника, Витька понял, как грубы по сравнению с этой травинкой те розы из магазина. Усмехнулся он, вспомнив, как, увидев портрет в рамке, висевший на стене, спросил:

- Это ваш фраер?

Как она хохотала, отвечая ему, что это Владимир Маяковский в годы учебы в Строгановском художественном училище. И Витька хохотал вместе с ней. «Фраера» у нее никакого не было. А сейчас... Мысль о том, что она сейчас с тем парнем, подстегнула мальчишку, и он побежал к лесу...

***

Утром в понедельник Галина Евгеньевна вошла в класс и ахнула. На ее столе стояли подснежники, огромный букет. От них исходил тонкий аромат.

- Что это? - задала она нелепый вопрос.

- Это Беркутов принес, - услышала в ответ.

Она начала искать глазами Витьку, но его в классе не было.

- Где же он? - удивилась Галина Евгеньевна.

- Он приходил, - объяснила ей сидящая на первой парте староста, - и сказал, что больше учиться не будет.

Витьку и его мать вызвали в школу. Галина Евгеньевна ходила к нему домой. Вызывали мать к директору, в профком, в женсовет. Витька в школу не вернулся... Когда Галина Евгеньевна уезжала из деревни, помогать грузить вещи пришел Витька.

Все сделав, учительница подошла к нему. Положила руку на плечо. И с удивлением ощутила, какое оно сильное, крепкое. Она заглянула ему в глаза:

- Как ты повзрослел...

Витька в ответ даже не улыбнулся.

1997

Свет в чужом окне

Наконец-то, ей дали квартиру. До этого она жила у бабушки. Жили дружно, но удручало то, что Юлька не чувствовала себя хозяйкой. Хотелось прибраться по-своему, позвать в гости друзей, сидеть сколько хочешь за книгами, одним словом, быть независимой.

Помог случай: учительница биологии, как и Юлька, отрабатывающая диплом в деревне, убежала. Оставила трудовую книжку, диплом и рванула среди года за какими-то очередным другом аж в Узбекистан. Юлю этот случай потряс. Она-то знала, что у Валентины друзей много, но любит она одного Димку, который вот-вот должен прийти из армии. О Димке подруги говорили часто, Валентина сравнивала его с другими и всегда приходила к выводу, что он лучше всех. И вдруг Юра из Узбекистана победил. Валентина убежала, а Юля переехала в ее комнату, в дом, где жила еще одна учительница со своей матерью. Общий коридор Юльку не смущал. В ее распоряжении была целая комната.

Она полюбила свое жилье, в котором редко удавалось оставаться одной. А впрочем, Юлька этого и не хотела. Сразу после уроков она шла домой с

группой детей. Кому-то нужна была книга, с кем-то нужно позаниматься в спокойной обстановке. Да кроме всего, был у нее фильмоскоп, а телевизора не было. Зато диафильмов столько, что и за три года не пересмотришь. Ребята смотрели диафильмы, пили чай, рассказывали всякие интересные случаи. И продолжалось это до тех пор, пока не приходили старшие друзья-учителя и не прогоняли малышей, удивляясь тому, как они ей не надоедают в школе.

Фильмоскоп убирался, появлялась гитара, пекли блины или жарили кусочки хлеба, иногда стряпали пельмени. Пели песни, говорили, смеялись, спорили до самой ночи. А ведь надо было еще готовиться к урокам. И случилось это во время очередной проверки тетрадей.

Настольная лампа освещала стол. За окном шумел тополь, строчки ребячьих работ сплывались перед глазами, ручка непроизвольно чертила по тетради какие-то полосочки. Она засыпала. Голова уже лежала на столе.

И вдруг очнулась. Очнулась от того, что слышала: кто-то стоит за спиной. Она оцепенела, сердце застучало. Открыла глаза: единственный светлый круг на скатерти, а вокруг- темно, и сзади кто-то стоит. Это не сон, это явь. Вот уже чьи-то руки коснулись плеч. Кричать нет сил, но рывком

соскочила со стула, а руки, что легли на ее плечи, уже обнимают – сильные, нежные, и лицо склоняется к ней. Юля оглядывается. Человек отшатывается и шепчет:

- Валя?!

Она вмиг все понимает. Это Димка, который «лучше всех», которого не дождалась Валя и на месте которой так уютно она расположилась.

- Валя уехала! – сообщает она Димке.

- Домой? – с надеждой произносит он.

- Нет, в Узбекистан, – добивает она его окончательно.

- Зачем? – цепляется Димка за последние соломинки надежды.

- Не знаю! Работать там будет, переехала.

Нет, не может она ему про Юру сказать. Он такой влюбленный. Он весь сплошная любовь. Он вез эту любовь своей единственной. Наверное, так обрадовался, когда шел от дороги к дому и увидел свет в окне. От тракта два километра до деревни, и свет видно далеко. Он еще не был дома, в военной форме, с рюкзаком.

Димка разворачивается и идет к дверям.

- Ты куда? – бросается она к нему. – Автобусов не будет до утра.

-С попуткой уеду, - он не суетится, не спрашивает больше ни о чем. Смотрит на Юлю спокойно и твердо. Она не решается его отговаривать. Такой, не нуждается ни в уговорах, ни в советах.

1995

Тещина настоечка

Сколько всякого с нами в жизни происходит! Взять бы ручку да записать. Жаль, не всегда получается. Но некоторые сюжетики я все-таки записываю. Веселые и грустные. Иногда не знаешь, к каким отнести их, например, этот.

Один мужик захотел бросить пить. Надоело ему все это до чертиков. Однажды с большого похмелья дал себе слово не пить неделю: «Выдержу неделю. Больше в рот не возьму».

Неделя, другая проходит, мужик в рот не берет. Сам себе удивлялся. А теща его в другой деревне жила, о переменах, с зятем происходящими, ничего не знала, естественно, все думала, как его, непутевого, от зелья отвратить. Вот одна бабушка-знахарка ей и говорит:

– Ты вот что сделай: налови тараканов, залей их водкой, неделю пусть постоит. Потом этим настоем зятя напои. Он большее ее, проклятую водку, в рот не возьмет.

Теща обрадовалась, все так и сделала. Поехала к зятю в гости. Радостная такая достает настоечку. Он ни в какую не пьет. Она умоляет: «Выпей со мной да выпей, и больше уж никогда в рот не возьмем».

Как он ни отказывался – умолила ведь.

- Эх, была не была! - говорит.

Выпил и пошло дело. Вот уже месяц пьет - не
остановится. Спасибо теще! Вылечила!

1999

У Сашки и Найды судьбы схожи

Я не знаю матери этого ребенка, как не знаю матери тех двоих детей, которые роются в мусорных бачках, но имя первого мне известно. Его зовут Саша. Он и одет потеплее этих двоих, но он также голодает и страдает как они. Я кормила остатками обеда полубродячую собаку. Хозяева ее люди добрые, но пьющие, дали ей кров, кормят, когда есть чем, подкармливаем Найду и все мы, соседи. И в этот момент, когда я вытаскивала из кулька болонь от мяса, мальчик, проходивший мимо, крикнул (или простонал? – не знаю, как будет точнее):

- Тетя, дайте мне. Я есть хочу.

И он начал с жадностью жевать, казалось бы, совершенно не съедобный для человека кусок.

Я бросилась домой, принесла ему кое-что из пищи. Но разве этим можешь несчастному ребенку?

Нет, что ни говорите, детей, роющихся в мусорных отходах, у нас не было. И сейчас можно негодовать и всячески ругать его нерадивую мать, восклицая:

- Почему она пьет, а мы должны кормить ее ребенка? Почему я должен отбирать кусок у своего ребенка и отдавать ему? Почему? Почему?

Но он, этот голодный ребенок, стоит перед вами, с красными от холода руками. С голодными умоляющими глазами. И у него один вопрос: дадут ему кусочек или нет?

Совсем рядом с нашим домом недавно вырос коммерческий ларек, идущие в школу (и из школы) дети (какие они все яркие, с красивыми ранцами, в импортных курточках, сапогах, шапочках!) не проходят мимо щеголеватого ларька.

В руках у ребят деньги. Главная их покупка – жвачка, а потом уж конфетка, шоколадка, сок. Кто-то и сигареты берет. На уроках они будут бесконечно жевать, на большой перемене побегут в столовую. Кормят наших детей бесплатно. А вот Сашке не купить жвачки, не сядет он и за стол в школе. Он не учится, не ходит в детский сад. Ему не повезло с мамой.

- Если я не катаюсь на автобусе, я дома бываю, - говорит он мне.

А почему бы ему, катаясь на автобусе, не залезть кому-то в карман, а почему бы ему не отобрать денежку, что держит вот эта маленькая первоклашка, разглядывая витрину ларька? Все мы зарабатываем на хлеб наш насущный, как умеем. Сашку улица учит, как выживать. Он маленький, и преступление у него пока маленькое.

А большое совершаем все мы, допуская, чтобы в нашем городе жили голодные дети. Тем самым растим преступников. Они подрастут и отблагодарят нас за наше равнодушие. Мы их не замечаем сейчас, они заставят нас заметить их совсем скоро.

Но все это эмоции. А что можно сделать? Знаю, что в Галкино районо планирует открыть детский приют, что там должно разместиться более 200 детей. Знаю, что в детской больнице постоянно живет до десятка брошенных детей.

Сколько же их, нуждающихся в приюте, в тепле и участии? Может быть, гороно (городские дети взяты там на учет) прикрепит их для питания к школьным столовым? Ведь всем известно, что отходы там бывают, их уносят для животных работники столовой. Знаем мы, что находится там тарелочка супа для проверяющих. Так не ужели не найдется 2-3 тарелки горячего супа для сироты (как иначе назвать этого заброшенного ребенка?), ведь его мать мертва, если она не чувствует страданий своего ребенка?

Хотелось бы узнать, не думает ли наша церковь как-нибудь проявить заботу о несчастных детях? Хочется верить, что вновь созданный

женсовет в первых пунктах своего плана спланирует работу с такими детьми.

А мы, со своей стороны, обещаем освещать все, что будет касаться этой темы, потому что разговор наш не может считаться законченным, пока Саша и Найда смотрят на нас одинаково умоляющими глазами.

1994

Уж замуж невтерпех

- Ну что? – обращается одна дама к другой. – Как ваша дочь? Не вышла замуж?

Обычный житейский вопрос. Одних он совершенно не тревожит. Какое там замуж, рано еще! Других, у кого с этим вопросом явные проблемы, он больно царапает.

Может быть, дама задала вопрос из любопытства, может действительно ее волнует судьба девушки. Только, вероятно, поспешила я назвать его обычным. Вопрос-то серьезный. Настолько серьезный, что я затрудняюсь определить степень его важности.

Семья. Какое это хорошее слово, уютное, родное, в нем целый мир. Вернее, весь мир – это приложение к моей семье. Для меня все начиналось в семье, радостно было познавать окружающее и делиться этой радостью с мамой, папой, сестрой.

- Как хорошо, что мама вышла замуж за папу! – не раз думала я в детстве. И это действительно хорошо.

А ведь она из-за любви бросила учебу в Москве, приехала в родной уральский город. Позднее, рассказывая нам о жизни в Москве, она вздыхала и сокрушалась:

- Какая я дура была!

Нет, мамочка, ты мудрая была. Ты сделала великое дело, ты создала прекрасную семью. Может, кому-то это покажется нескромным, но я горжусь своими родителями. Им в жизни повезло. Они встретили друг друга. А сейчас подрастают их внуки. И вот проблема – нет женихов! Может, невесты разборчивее? Возможно. Ведь у них был перед глазами определенный идеал. Может, по-прежнему, как в песне «на 10 девчонок по статистике 9 ребят»?

Кстати, в той песне девчонки хоть на танцы ходили. «Придут девчонки, стоят в сторонке». Наши девчонки ни за какие коврижки не пойдут на дискотеку.

Знакомиться через газету? Прости меня, служба знакомств, но это так ненадежно. Одним словом, кот в мешке. Кстати одна хорошая девушка, отчаявшись устроить судьбу в своем отечестве, дала заявление в службу «Альянс» г. Екатеринбурге. И вот получает письмо из Америки. Он журналист, одинокий и симпатичный, мечтал именно о такой, как она. Получили подобные письма другие девчонки. И вот целый вагон невест повезли в Москву на смотрины к заграничным женихам. Сопровождала их специальный гид. Рассказывала.

Как вести себя в ресторане и пр. Приехали. Увидела наша землячка американца и чуть со стула не упала. Ей 25, а ему за пятьдесят. Провели они вместе вечер. Об одном она только и думала, как улизнуть, но он благородно поступил – сказал, что познакомит ее со своим товарищем, а у него еще в Москве оказался запасной вариант. Поехала она обратно в Екатеринбург, не захотелось больше судьбу испытывать.

И еще случай вспоминается. Наша девчужка в международном лагере познакомилась с немцем. И уехала в Германию. Через год встречаюсь с фрау Юлией. Оказывается, никакая она уже не фрау. Не ужилась со свекровью. Та удивляться не уставала, что девочка не научена ни шить, ни вязать, ни готовить. Показала наша характер, не покорила немке, уехала на родину. А какие здесь шансы? Повезет так повезет.

И опять возвращаюсь к началу. Снова встреча и снова вопрос.

- Ну как, ваша дочь замуж вышла? – и торопливое – наша-то ведь вышла. Я с подружкой школьной разговорилась, а у нее внук. Мы их решили познакомить. Стали в гости вместе ходить, приглядываться, и ребята понравились друг другу. Свадьбу уже сыграли. Пока все хорошо. Я вам скажу:

надо помогать молодым, надо искать женихов и невест в знакомых семьях. Мы в этих людях уверены, они в нас тоже. Нас не шокируют их поступки. Старые приятельские отношения помогают, молодой семье адаптироваться.

А может, права эта дама. Создание семьи такое серьезное дело, а мы молодых в этот момент оставляем один на один со своими проблемами.

1994

СОДЕРЖАНИЕ

Как подарок каждый день встречайте. Л. Чиркова	5
---	---

СТИХИ

Первые раздумья

Догони и верни	11
Палочка-выручалочка	13
Фонарь блестит, как сережка	14
Хочешь стану Шахерезадой	15
Первое дыхание	16
Весна	17
Сегодня на улице слякоть.	19
Осень.	20
Девочка стирала	21
Тикают тихо ходики	22
Как непривычны аккуратные строки	26
Кустодиев разбит параличом	26
Твоя палитра.	27
Я в жизни другая	28

По поводу

В день рождения нашему фотографу

А.А.Татищеву	31
Молодоженам, въезжающим в новую квартиру	32
Начало заседания «Литературный четверг»	33
Разум правит бал	34
Потяжелели ветки от плодов	36
Посвящение краоведам	37
Есть в Камышлове мастера	41
Место встречи изменить нельзя	46

Разное

Бессовестная бессонница	55
Студенческие годы	57
Этюды	61
Умирал цыган Лето вступает в права Вот сегодня Подарил эстамп Мой стойотряд	63
Я люблю тебя	68
Про Софокла	70
Еще раз о записке	71
На цыганские темы	72

Есть у меня хорошее средство . . . 75

ПРОЗА

Быть весне 78

В чем секрет долголетия 79

Всей нашей жалости не хватает... . . . 85

Зачем ты пьешь 93

Короткие встречи 96

Не балконе 101

На празднике 106

Настроение художника 110

Про одну женщину 114

Ранняя весна 117

Свет в чужом окне 123

Тещина настоечка 127

У Сашки и Найды судьбы схожи 129

Уж замуж невтерпех 133

Елена Флягина
Отзвуки жизни моей...